

**ПРИ СВЕТЕ
ФАКЕЛОВ**

Спектакли начинались поздно — в девять часов вечера. И начинался не только поздно, но и романтично: не в театре, не на сцене, а под высоким небом Тбилиси, при свете звезд и факелов, в осеннем Парке коммунаров, что расположился в самом центре города, вблизи от проспекта Руставели.

То ночью представление шло в плотном окружении деревьев на небольшой площадке парка, куда сходились двести зрителей. Наиболее счастливые зрители — никакие билеты на было — захватили длинные садовые скамьи, переставив их по собственному усмотрению, или же устроились на широких камнях ступеней, завершаясь спускающаяся сюда аллея.

Совсем неподалеку отсюда по все еще оживленному центральному проспекту проносились неслышимые здесь автобусы, «Волги», Жигули, троллейбусы, горели привычные уже неоновые огни, а мысль уносила в прошлое, в баснословно далекие времена зарождаемого древнейшего и прерывающегося из искусства, неотъемлемого от истории человечества вот уже более двух тысячелетий.

Когда в убогом сером рубище студент мчался деревней, выходя молодой женщиной с зажженными свечами, начинающая наивный ритуал сценика, а за нею, один за другим стали появляться и остальные персонажи театрального действия в таких же рубищах, освещаемых трепетным пламенем факелов, упрямленных на деревьях, то невольно подумалось понемногу: не возвращается ли и нам через прошедшие века древнее, то ли библейское, то ли народное, фольклорная притча или сказание.

Но так подумалось лишь полминуты. В ту ночь в городском парке давал свое представление самый молодой в Грузии, можно даже сказать, совсем недавно родившийся театральный коллектив, но уже счастливо обративший довольно солидно и уважительно мис: Тбилисский государственный молодежный театр-студия. Есть у молодых, удивительно увлеченных энтузиастов, искателей и экспериментаторов и другая идея, короткая: Метехский театр.

Позднее, неурочное время начала театрального представления объясняли просто: мо-

лодым актерам хотелось встретиться с приглашенными в Тбилиси гостями восьмого съезда Грузинского театрального общества. А гости могли отозваться на приглашение «матехцев» лишь после окончания спектаклей в театре имени Руставели и имени Марджанишвили.

Молодежный спектакль, назвавшийся было схожим с древней притчей, не выходил за грани нынешнего столетия. Театр воспроизводил во произведении Илассиди грузинского лирика Давида Квицинишвили поэтически разную картину жизни бедного, несчастного имеретинского селянина в дьявольском, доревлющонском пошу. В ту беззвездную, горькую пору, когда убогая и смиренная жизнь проходила утешительство создавала для бедняка такую же убогую иллюзию возможного счастья.

Мы дате своего народа? Вот что прочитывается в замысле постановки «Матехского» (таково несомненно полное перевод названия произведений Д. Квицинишвили). Для того чтобы сказать это, нужно видеть не только текущую картину жизни дьявольского движения искусства «матехцев». Нужно видеть также и как и распространению жизни, прожитой родным народом.

Когда это мило вспоминалось, кто вновь увидел знаменитую постановку «Матехского» в осеннем парке при свете факелов, а за сценой, под лучами звездных свечей, в Центральном доме актера Всероссийского театрального общества. Молодые грузинские артисты, возвращаясь в Тбилиси, в Тбилисский молодежный театр, в Матехский, чтобы рассказать о себе и показать себя, и то, и другое сделано было ими талантливо.

Молодой грузинский театр дал свои спектакли не только под открытым небом, но и у себя «дома», под высоким куполом драматического театра, что сень столетий назад поднялся на высокой, обрывистом берегу Мтуры, продолжая себя русло через Тбилиси, Метехский. Там, вот уже третий год на законных основаниях стал называться Метехский театром.

Название названию, а что значит оно для сегодняшнего зрителя? А значит оно вот что: это молодой театр молодого поколения, это талантливый и активный мис на творческом вечере грузинского театра в Центральном доме актера.

Одним из первых на ирохотный сцену-эстраду Метехского театра (изменил в 8 м театры) вышел актер-психолог Гангелт. И такой ирохотный зрительный зал — получим же простую деревенскую сцену на сотню неинтересных мест — призвал своим зтоим славного, энергичного, пытливого и смелого датского юношу из дальней эпохи.

За Гангелтом последовала встреча с Николаем Островским, с молодого и бесстрашным профессиональным революционером, в 27 лет убитым в торжонной намере Метехского театра. Своим спектаклем «Лето Никитовича» он утешительство традиции преемственности революционных идей,

завещанных прошлыми поколениями героя.

Биография молодого театра только начала и начала удивительно счастлива. С первых же шагов в искусство его поддерживали, полюбил в Тбилиси. Это горько и благодарно вспоминали в Вильяме и Таполе. А вот теперь он заслужил любовь и признание театральной Москвы.

Что же послужило первоначальным заслуженным признанием первого начинающего театра? Не только несомненная одаренность, но и эстетическая, а вместе с нею и эстетическая сплоченность молодой труппы. Ее художественная обстановка начала складываться уже в ту пору, когда нынешняя труппа была еще экспериментальным курсом театрального института, тогдашним ведущим грузинским режиссером, ныне народным артистом СССР Дмитрием Алексеевичем. Ближайшим помощником руководителя курса был тогда старший преподаватель Сандро Ирмавильяшвили. Этот талантливый, бесспорный и пылкий молодой человек и стал главным режиссером и художественным руководителем Метехского театра, первым его драматургом. Еще в институте он начался и вставил со студентами выпускного курса пьесу «Люди, глядя на лозу...», ставившую задачу первой пьесой в репертуаре молодого театра, его же имени связала и последние театральные премьеры, состоявшиеся в самый канун 1977 года. Он написал и поставил документальную драму «Лето Никитовича».

Программу молодежного театра, пожалуй, точнее всего можно определить двумя словами: театр актера. Программа и простая, вроде бы проща некуда, и максималистская.

Для Сандро Ирмавильяшвили дорога театр, в котором все начинается с актера и все завершается актером. Он думает так: в нашем сиротном театре мы не собираемся удивлять модными постановочными ухищрениями, в театре ничего не должно отвлекать от актера. В театре ничто не должно мешать ему встретиться лицом к лицу со своим зрителем, окружавшим его с трех сторон, отдаленным от него всего лишь на один шаг.

При такой близости, при такой встрече глаза в глаза непомойной кажется художественная и гражданская ответственность актера за свой театр, за своего себя. Потому что наименьшие актеры Метехского театра и стремятся стать Актерами.

Открытая и горячая искренность такого стремления и вызывала удивительные отношения к молодому театру.

**ПИСЬМО
АКТЕРА**

Его письмо было совсем коротким, написанном на скорую руку. Далеко не все вошло по поводу не столь уж значительному и серьезному.

А каким интересным оказалось то письмо, что в какой удивительной загадке приобрело оно!

О чем же писал артист? О делах житейских, о свалившейся на него напасти, о том, что приключилось с ним в театре: «Схватил меня на спектакле «Так и будет», но я все же доиграл. Сказали, что боль была лишь у меня, а у него Воронцова ее не было. Когда выходил на сцену Воронцов — боли мои прекратились. А за кликуши они начинались у меня снова».

В тот вечер артист страдал от мучившей его боли — давала знать о себе старая болезнь. А вот его горю, почтенному академику артисту Фёдору Алексеевичу Воронцову, не было до этой болезни ни малейшего дела. Как ни в чем не бывало появлялся он на сцене Маяковского театра в спектакле

Воронцов — Михаил ЖАРОВ

«Так и будет здоровым, богатым и жизнелюбивым».

«Среди великого множества профессий, существующих на земле, профессия артиста — наимудрейшая! Профессия наимышленного владения самим собой, профессия редкостного, премо-тако непостижимого дара снимать на сцене невыносимую, казалось бы, боль души и сердца; несмотря ни на что безотказно подчинять eigene свое психофизическое состояние. Профессия, возмещающая над страданием, над горестями, болью и бедою».

Прежде чем решиться огласить приведенные здесь строки из письма, спросил своего уважаемого адресата: «Можно ли назвать ваше имя?».

«Можно!» — великодушно ответил милый Михаил Иванович Жаров.

**КОНЦЕРТ
СВЯТОСЛАВА
РИХТЕРА**

В махих только концертных этрадах мира не выступал прославившийся советский пианист.

Но вот на том памятном концерте, о котором слышу следующие записи в своем дневнике, этрады не было. Не было и сцены. Словом, не было привычного для артиста большого или малого концертного зала.

«В ожидании волшебного влета у многофигурного портала Фрайбергского собора застыл с гордо приподнятыми крыльями тускло поблескивающий блестящий. Он застыл вблизи «Давида Микеланджело, что издана обоснована при входе во флорентийскую синиорну, и совсем неподалеку от знаменитой колонны статуи властного кондотьера работы несравненного флорентийского мастера Андреа Верроккьо, высоко вознесенная на небольшой, но с длинным названием венецианской площади Санта-Джованни Паоло».

Так где же это, в какой стране и в каком городе давал не этот раз свой концерт Святослав Рихтер?

Да у нас, в Москве!

А точнее: в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, в его итагальском дворике — так именуется один из музейных залов, который заполнили могучий и стройный Давид, венецианский кондотьер Бартоломео Колеони и столь

искусно, шедро украшенный портал старого собора.

Тут-то и состоялся концерт... Можно даже сказать концерт и театр. Музейный итальянский дворик Борджелло как бы превращался в тот вечер в чудесную театральную декорацию. И в тох достоянии декорации — только дай волю своему воображению! — так легко нафантазировать спокойный вечер лирического музицирования под звездным небом, утомившимся от современного «баштекина», а на старинной лужке, на певучей виоле или нежном клавире».

Но вольный полет воображения несомненно обрывался аплодисментами, гучко прощумывавшие под сводом высокого зала.

У роля Святослав Рихтер... Легко, сравнительно вошел он в зал и так же сравнительно быстро же, без малейшего промедления властно тронул клавиши. И тут же мощно зазвучала Единственная батзовская соната.

Какой же ключ к ее интерпретации отобрал пианист? Как сказать об этом, если он не интерпретировал музыку гения, а жил музыкой. Жил ею удивительно полно и естественно, свободно и раскованно, заставляя слушателя в Борджелло разгоревшихся чувства, то глубоким постижением гармоничного духа, гармонии человеческого бытия.

Гармония достигалась и в самом чередовании частей сонаты, когда напряжением остро пережитой борьбы сменило состояние духовного покоя, сосредоточенной задушевности; когда следовало देने легкое, земнотельно-предпочтено шествование мимуса и, наконец, когда в танцевально-зале вступило широко было распахнуто окно в жизнь, в мир, навстречу солнцу и в полную силу набирала высоту удручающую торжествующую мелодия победы.

Святослав РИХТЕР.

Так восприимчивость — в тот вечер последнейшей проминции вания пианиста в многозвучный мир бетховенской сонаты.

Концерт в итальянском дворике пушкинского музея продолжился. За сонатой Бетховена последовали Пьявская соната Брамса для клавирта и фортепиано.

Завучали, то согласно, то несогласно, два голоса (партию клавирта вел Анатолий Камышев). Голоса сопереживали. В возобновом они сопереживали в брал еще то один, то другой. Но чаще опережали немножко своего соперника более многозвучно, более сильным, торжествующим голос старшего — фортепиано.

Вторая часть сонаты — короткий привал после первого тура встречи. Участники ав

Фигура из спектакля «Лето Кеикобадзе»